

Сердце Лады

Даувальдер

Там, где сходится с землёю
свод лазоревых небес,
говорят, есть золотое
царство сказок и чудес.
В этом царстве отдыхает
наше солнышко, когда
над землёю проплывает
в звёздной мантии луна.
А когда от лика солнца
меркнут звёзды — лик луны
у косящего оконца
в теремке своём зари
ждёт вечерней, чтобы снова
плыть серебряной ладьёй
под алмазным звёздным кровом,
над затихшею землёй.
В этом царстве пряжа ткётся
белых кружев-облаков
и, волшебная, плетётся
паутинка пёстрых снов
для людей, живущих с нами...
Этим царством чародей
управлял. Под куполами
дивных видом орхидей,

в колбах он мешал растворы,
заклинания творил
и одним всеильным взором
те растворы кипятил.
От растворов поднимался
к орхидеям белый пар,
в клубы странные свивался
и» послушный воле чар,
человеческие формы
постепенно принимал:
то священник в рясе чёрной
пред кудесником вставал,
то прекрасный паж, то нежный
и задумчивый поэт,
то весёлый шут — в одеждах,
точно солнца спектр — на свет
появлялся с прибауткой,
то красавиц дев череда,
отвечавшая на шутки
остроумного шута
звонким смехом. Самоцветы,
вместо сердца, чародей
им дарил. Зато на свете
лучших не было людей:
были чувства и желанья —
отблеск дивных их сердец...
Красотой своих созданий
небывалой горд мудрец!
Но прекрасней всех царевну
сотворил он. Взял блеск дня,-

тишину зари вечерней,
звёзды вставил ей в глаза;
лик, нежнее перламутра,
соткан был из лучших грёз:
прелесть лилий, свежесть утра
в нём была. Тяжёлых кос
шёлк он долго пряд из злата,
жемчугами перевил,
и назвал царевну: Лада.
В грудь он ей рубин вложил
самый крупный, самый яркий,
самый лучший. И сказал:
— «Чтоб любить умела жарко...
Чтоб избранник твой узнал,
что любовь есть счастье...» Вскоре
для любимицы своей —
для царевны, из-за моря
вывез принца чародей.
Славен был красой прелестный
юга сын — хрустальный принц:
очи — пламенные бездны
с тенью чёрною ресниц,
губы — тёмные гранаты,
голос — лучший на земле...
Полюбила принца Лада:
— «Не отыщется нигде
красоты ему подобной!
Словно ландыш, чист душой
черноглазый, чернобровый,
голубь мой, красавец мой,

мой хрустальный принц!» — И жарко
целовалась Лада с ним
над водою, в старом парке...
Был обоими любим
уголок у ив плакучих:
сквозь ветвей густой наряд
не подсмотрит тайны жгучей
чей-нибудь нескромный взгляд;
только синь небес бездонных
или гладь лазурных вод
видят ласки двух влюблённых...
Промелькнул минутой год
и для принца, и для Лады;
мнилось, счастью нет конца
и границы нет усядам!
Но коварная беда,
словно тать, подкралась к Ладе,
бурей грянула и всех,
кто, готовясь к пышной свадьбе,
знал потехи лишь да смех —
поразила неисходной,
неизбывною тоской,
и заветный сад холодной
скрыла снежной пеленой,
и златые паутинки
грёз, и чаши орхидей
обратила, злая, в льдинки...
Гневен старый чародей,
люди замка — точно тени
притаились по углам:

день придёт, пройдёт — в волненьи
внемлют, чуткие, шагам
чародея неустанным.
Видно, думушка крепка!
Ходит грозный и печальный,
что-то шепчет про себя,
подойдёт порой к царевне,
покачает головой
и опять шагает, гневный,
тёмну ночь и день деньской.
Под серебряной парчою
ложа царского — бледна,
неподвижна, неживою
Лада кажется. Жила
бесконечно любовью.
А теперь зачем живёт?
И сочится сердце кровью:
змейка алая ползёт
по груди лилейной Лады...
Что ж случилось в царстве снов?
Где хрустальный принц? Не надо
покидать бы юга кров
да царевне синеокой
отдавать хрусталь души!
Там, на родине далёкой
не случилось бы беды!
В ожиданьи свадьбы, часто
в замке тешились: иль бал,
иль турнир для дам прекрасных,
иль охота... Потешал

как-то раз собранье сказкой
шут весёлый. Говорил —
рыцарь был: любовью сладкой,
тайной, он снедаем был
к королевне гордой. Было
представленье в цирке. Львы
ждали жертв нетерпеливо
на арене. Среди толпы,
на порфирном возвышени,
точно сказка, хороша,
красовалась королевна.
Скучно ей. Её душа
холодна, как лёд. Не знает
ни забав, ни чувств. Порой
сердце гордое смущает
рыцарь юный. — «Эй, герой», —
говорит она с насмешкой,
чтобы сердца дрожь сокрыть:
— «Коли любишь, не помешкай,
постарайся мне добыть...» —
И перчатку львам бросает.
Смелый рыцарь в тот же миг
был среди львов. Уж поднимает
ту перчатку он. Затих
поражённый цирк, и звери
изваяньями стоят —
поражённые. Вот двери
отворились в ложу. Взгляд,
полный страха, поднимает
королевна: жив герой,

и перчатка — с ним. Желает
заплатить она душой
за поступок, но гордыня
вновь проснулась: — «Невелик
подвиг твой! Награды ныне
ты пришёл просить? Старик
иль дитя ты, чтоб пугаться
ставших кроткими зверей?
Завтра будут все смеяться
бедной храбрости твоей!
Что же дать тебе в награду?
Хочешь злата? Иль уста
королевнины?» — «Не надо
платы мне! Прощай!.. Года
с той поры прошли. Где рыцарь?
Где желанный? Всем другим
отказала. Быть бы птицей,
полетела бы за ним,
отыскала бы... И вянет
одинокая краса
в пышном тереме. Меняет
время девушку. Она
отцвела, как отцветают
розы осенью. Меж тем,
рыцарь подвиги свершает,
в битвах ищет смерть. Ничем
не купить ему забвенья,
и мерещится везде
дивный образ королевны,
о родной своей стране

он тоскует. И однажды,
рыцарь, ставший стариком,
повернул коня бесстрашно
на восток, где отчий дом
был когда-то. Утомлённый
долгим странствием, спешит
с пылом юности влюблённой
к королевне гордой. Мнит,
что отвергла справедливо
страсть мальчишки. Ныне он
возвращается счастливый:
не один был совершён
славный подвиг, за который
полюбила бы она,
ныне он везет ей горы
самоцветов, серебра,
жемчугов, алмазов, золота...
— «Всё, красавица, тебе!
Горд когда-то был, не надо —
говорил — награды мне...
А теперь...» — Так мыслил рыцарь,
подъезжая к воротам,
Знал уже: его царица,
благосклонная к послам
с драгоценными дарами,
ждёт... Раскрыта дверь пред ним,
и неверными стопами, страстью, радостью гоним,
входит он. И что ж? На троне —
страшный призрак. Голова
под тяжёлою короной

отвратительна: уста —
не уста, а две лягушки...
Совьи очи... Дряблый лик...
Хриплый голос: — «Где ж игрушка —
рыцарь мой? Кто ты, старик?
Я сегодня дорогого
гостя жду издалека,
не могу принять другого...
Уберите старика!»
Шут умолк. — «А дальше что же?» —
Голос Лады спросил.
— «Сказка кончена.» — «Похоже,
ты не всё сказал?» — «Забыл
я конец!» — «Да ведь не даром
ты рассказывал?» — «О, нет!
Я хотел сказать, что старым
страшно быть...» — «Нет горше бед,
я согласна. Но бояться
нам смешно! Ведь знаешь ты:
старость может ли добраться
в наше царство? Все пути
ей заказаны!» — «Покуда
мы не знали чувств земных,
но, царевна, ведь оттуда
наш хрустальный принц...» Затих
шут, задумавшись. В молчаньи
все сидели, позабыв,
что назначено собранье
не для сказок, что призыв
для турнира уж герольды

возгласили, и спешит
на арену витязь гордый.
Броня пламенем горит,
отражая солнце. Каждый,
на щите своём неся
дамы сердца знаки, жаждет
поражения врага;
в нетерпении, взор орлиный
устремляет на толпу,
сжав копьё рукою сильной,
как прикованный к седлу,
ждет желанное мгновенье.
Подан знак. Сошлись враги,
окрылённые волненьем,
жаждой подвигов. В тиши
только лязг один оружия
раздается... Жарок бой...
Вдруг безумный крик: — «Не нужно!..
Голубь мой!.. Желанный мой!..»
Но в тот миг, ударом ловким
некто выбит из седла,
и хрустальные осколки
наземь падают, звеня.
Всё смешалось в возмущеньи,
страх глядит из каждого глаза,
чародей спешит в волненьи
на арену. Он тотчас
хочет склеить хрусталинки,
счастье Лады воскресить!
Белой хрупкою снежинкой

Лада ждёт... Но жизни нить
порвалась... Бессильны чары...
Горя Ладе не снести!
Погляди скорее, старый,
расколосся в груди
дорогой твоей царевны
сердце — пламенный рубин...
С той поры угрюмый, гневный
ходит замка господин,
запустил свои владенья,
колбы пыльные пусты
под увядшими в забвеньи
орхидеями. Зимы
испокон не знали в царстве,
а теперь пришла царить...
Тщетно пробует лекарством
сердце Лады излечить чародей угрюмый. Камень
не срастается в груди,
плачет кровью. Опечален
чародей, что не найти
средства верного. Однако,
день желанный наступил
в золотом волшебном замке:
в колбах вновь закипятил
чародей свои растворы,
выгнал дерзкую зиму,
просветлённым прежним взором
оживил в своём саду
и растения, и воды,
и весёлых птиц, а сам

заперся, и там, где своды
вознеслись к небесам
орхидей прекрасных, что-то
стал он молотом ковать.
День денье кой идёт работа,
маг не хочет отдыхать,
и над кузницей чудесной
вечно зарево горит...
— «Будет Лада вновь невестой!
Но кого ей сотворит
повелитель?» — Так шептались
в замке. Дни меж тем всё шли,
к окончанью приближались
чародеевы труды.
Вот, однажды растворились
двери кузницы. В дверях
две фигуры появились:
рыцарь бронзовый и маг.
Точным принца повтореньем
рыцарь был бы, но тяжёл
взгляд его, грузны движенья,
равнодушно он прошёл
светлый замок чародея,
не дивясь ничему...
— «Вот она, моя лилея!» —
Молвил старый маг ему.
И отдёрнув полог пышный,
к жизни Ладу он воззвал:
— «Пробудись, царевна! Видишь,
молот мой тебе сковал

счастье новое...» Как зорька,
Лада вспыхнула: — «Ты здесь,
мой желанный... Ах, как горько
было Ладе перенести
одинокость, разлуку...
Сердце кровью истекло...
Погляди, какую мукой
неизбывною полно!
Подними на Ладу очи,
голубь мой! Твои глаза
глубже звездной летней ночи...» —
Шепчет рыцарю она.
Поднимает рыцарь веки —
Ладе чужд суровый взгляд,
плачет Лада: — «Нет, навеки
счастье сгнуло! Назад
возвращайся, самозванец,
ты не принц...» — И гаснет вновь
чудом вызванный румянец,
и роняет сердце кровь
алой змейкою. — «Ах, рыцарь,
нет в тебе души живой
и не можешь ты разбиться...» —
Молвил грустно маг. — «Постой,
я придумал! Не жалею,
что из бронзы сделан ты:
без печали одолеешь
затруднения пути,
будет молний он грознее!
На земного шара твердь

отправляйся поскорее.
Твоё имя будет: Смерть.
Дам тебе я пару крыльев,
меч, украшенный звездой,
чуждый усталы, бессилья.
Направляемый тобой,
будет он не знать пощады,
жертвы новые искать
среди печали, среди улады,
днём ли, ночью. Если рать
ты найдёшь на поле брани,
или узников в тюрьме,
иль простые поселяне
вдруг полюбятся тебе —
всех рази, кого приметит
взор суровый. Может быть,
сыщешь ты на белом свете
счастье Лады. Подарить
должен кто-нибудь душою
твой бездушный взор. Тогда
над измученной землёю
воцарится тишина,
отойдёт печаль в забвенья...
Но прекрасным, как алмаз,
должен луч души нетленной
из твоих светиться глаз.
Пусть в кристальном этом взгляде,
в ясной прелести души
обретёт бывшее Лада
и воскреснет для любви».

Как причудливая птица,
горе слезное неся,
полетел на землю рыцарь...
С той поры прошли века,
и состарилась царевна,
но по-прежнему рубин
плачет кровью — принцу верный.
Старый маг и властелин
много принял душ кристальных,
упокоил в царстве снов;
и за новыми, в путь дальний
отправлялся вновь и вновь
рыцарь бронзовый. Звездой
в бездне неба он мелькал
с вековечною душою,
да поныне не достал
для себя, угрюмый, счастья:
не дарил души никто
и, томясь тоской неясной,
было холодом полно
сердце рыцаря, как прежде.
Но среди людей живёт
белым голубем надежда,
что когда-нибудь найдёт
красоты нетленной душу
рыцарь бронзовый. Тогда
грозный меч не будет нужен,
И угаснет та звезда,
что слезою огневою
ночью небо бороздит,

если с новою душою
рыцарь в царство снов летит,
где узорная сребрится
пряжа кружев-облаков,
и разбитое томится
сердце Лады, на покров
капли алые роняя...
Где в саду, у старых ив,
принц хрустальный почивает,
а среди лазурных нив
чародеевых владений
вечно ландыши цветут
белой лентою весенней:
«Млечный Путь» её зовут.
Той дорогой голубою
принца к Ладе маг привёл,
и тогда, искрясь рососою,
нежный ландыш здесь расцвёл.
Плачет росами о были
заповедный путь любви
и алмазной звёздной пылью
людям светится в ночи.

?????????? ??????? ?????????????? ????????????

К О Н Е Ц

Скачивая сказку "Сердце Лады" Вы подтверждаете что будете использовать ее исключительно в ознакомительных целях и позже обязательно приобретете ее бумажный вариант.

Еще больше сказок для вас и ваших детей на сайте "В мире сказки" (vmireskazki.ru)